

ЧЕЛОВЕК,
ЕГО ДОЛГ
И СОВЕСТЬ

Дирижер с палкой

Происшествие было из ряда вон выходящим: на репетиции симфонического оркестра один из музыкантов дал пощечину главному дирижеру. И странное дело: этот безобразный случай у самих оркестрантов, казалось, не вызвал особого возмущения. Во всяком случае на вопросы подоспевшего директора филармонии они угрюмо отмалчивались и не спешили ни с обвинениями, ни с оправданиями.

А между тем пострадавшим был заслуженный деятель искусств РСФСР Н. Г. Факторович. Тот самый Факторович, чьему приезду в Саратов все они десять лет назад радовались, человек, которому всегда шли навстречу. Дебютанту захотелось, например, выступить в понедельник, и оркестр дружно отказался от выходного. Новый дирижер предъявил свои требования в части оклада и квартиры, и они были удовлетворены.

Откровенно говоря, здесь действовали не только законы гостеприимства. С появлением опытного дирижера саратовцы связывали далеко идущие планы. Состав в оркестре подобрался сильный, недоставало только хорошего руководителя.

И в самом деле: с первых же дней новый дирижер продемонстрировал знания, опыт, энергию. Он, казалось, не ведал усталости и умел увлечь других. Когда он как-то грубо и незаслуженно обвинил одного из музыкантов в лени, ему простили резкость: в конце концов Факторович вспылит, заботясь о том, ради чего они живут и трудятся.

На следующей репетиции дирижер повторил упрек, на этот раз во множественном числе: «Лентяи!». Те, к кому он обращался, не были ни лентяями, ни дармоедами. Они любили свое дело, им тоже были знакомы высокие минуты творчества. И Факторович, проведя незримую черту между собой и остальными, жестоко обидел оркестр.

Если бы он оказался крут да отходчив, если бы наутро пришел с открытой душой — «поймите, погорячился», его бы поняли. Однако настроение коллектива, казалось, меньше всего интересовало Натана Григорьевича. Он был только чуть-чуть удивлен, но не более того. «Не нравится — уходите», — заявил дирижер «бунтарям».

Позднее Факторович выражался более бесцеремонно и кратко: «Вы мне не нужны!», «Убирайтесь вон!»... Помимо столь удивившего вначале «лентяи», появились еще более выразительные определения — «хулиганы», «хамы»... «Это далеко не самые сильные выражения этого Пришибеева от музыки, — писали впоследствии артисты в своем письме в редакцию. — Главный дирижер ни во что не ставит оркестрантов, подвергая их всевозможным оскорблениям и травле». Словом, не удовлетворив-

шись властью дирижерской палочки над смычком и фогом, Н. Г. Факторович явно пытался посягнуть на человеческое достоинство скрипачей, фоготистов, виолончелистов...

Это уже не было продиктовано интересами дела. Люди по-прежнему посещали репетиции, по-прежнему слушались взмаха его руки, по уважения и доверия к нему уже не испытывали.

— Как же так получается? — говорил мне один из артистов. — Наш шофер нагрубил — ему выговор дали, а главному дирижеру все сходит с рук. Замечание бояться сделать: не обиделся бы. Ведь «талант».

В этих словах была большая доля правды. Руководство филармонии, пригласив Факторовича, шло в угоду ему на любые жертвы. Странные порядки бытовали в этом советском учреждении. Главному дирижеру ничего не стоило заявить: «Меня этот цехком не устраивает!», и дирекция бросалась урезонивать... местком. Если представители профсоюзного органа продолжали отстаивать интересы коллектива, Факторович наклеивал им ярлыки дезорганизаторов и кричал, что они мешают нормальной работе оркестра. В филармонии помнят случай, когда целый состав цехкома вынужден был однажды сложить свои полномочия, не устояв перед атакой Факторовича...

Однако даже и тогда многое можно было еще поправить. И коммунисты филармонии не желали Натану Григорьевичу зла, когда стукались в двери обкома КПСС и областного управления культуры: «Помогите, разберитесь!». Но в идеологическом отделе обкома покачали головами: «Характер тяжелый, знаем, зато какой музыкант!».

В 1962 году артисты послали письмо в Министерство культуры РСФСР, где писали о невозможности так работать дальше. Но и в министерстве были убеждены, что некоторые «шероховатости» в характере Натана Григорьевича — пустяки по сравнению с его профессиональными качествами. И никто не давал себе труда задуматься о том, что «хороший характер» нужен руководителю оркестра, как и умение читать партитуру и взмахивать палочкой; что в число необходимых дирижеру профессиональных качеств должно входить и уважение, и доверие. Талант? Возможно, у Факторовича действительно талант. Но разве талант предусматривает отклонение от общепринятых моральных, нравственных, этических норм? Наоборот! Он вбирает в себя, концентрирует все лучшее, что создано духовной работой общества, вскормившего его! Никто не хотел замечать, что, лишившись доверия товарищей, Факторович обокрал себя: это не могло не сказаться на творчестве...

Однако его дирижерская палоч-

ка и впрямь была волшебной, если столько людей заставила закрыть глаза на многое! Например, на то, что из оркестра уходят сильные музыканты, что во время репетиций сцена своими пробелами напоминает шахматную доску...

Впрочем, я взялся за перо не для того, чтобы писать рецензию о мастерстве Натана Григорьевича, о его творческих взлетах и неудачах, тем более, что дальнейшие события имеют к музыке уже совсем отдаленное отношение.

Итак, на репетиции оркестрант Анатолий Горшков дал главному дирижеру пощечину. Доведенный до крайности несправедливыми и унижительными придирками Факторовича, Горшков совершил безрасчетный, недостойный коммуниста поступок. Факторович потребовал немедленного увольнения хулигана и никаких объяснений выслушать не пожелал.

Нет, оркестранты не собирались оправдывать товарища. Коммунисты филармонии, обсудив проступок Горшкова, вынесли ему строгое партийное взыскание, но высказали мнение о возможности оставить его в оркестре. Это решение утвердил Волжский райком КПСС.

Здесь хорошо бы поставить точку. Да где там! События развивались в темпе то «аллегро», то «модерато». Вернувшись через три недели с гастролей, Факторович предъявил ультиматум: «Или я, или Горшков!». Директор филармонии И. Е. Гусев запросил у местного профсоюза согласие на увольнение Горшкова. Санкции местком не дал. А поскольку дирижер настаивал, директор не нашел ничего лучшего, как все-таки издать приказ об увольнении оркестранта. Такое грубое нарушение трудового законодательства, естественно, не могло сойти с рук. Народный суд восстановил Горшкова на работе.

Между тем Натан Григорьевич не думал смириться, настаивая на своем ультиматуме. Члены специальной комиссии обкома КПСС предложили Горшкову немедленно подать заявление о переходе в оперный театр. Когда тот категорически отказался, было созвано внеочередное заседание бюро Волжского райкома партии и решено: посоветовать директору филармонии тов. Гусеву все-таки уволить Горшкова с работы.

На следующий день в присутствии комиссии обкома КПСС в филармонии собрали заседание месткома. Но местком снова проявил принципиальность. Профсоюзная организация так и не дала согласия на увольнение музыканта, хоть рукоприкладство вновь было единодушно осуждено.

Зато позиция первого секретаря Волжского райкома КПСС А. Д. Гаврилова оказалась более «гибкой».

— Характер Факторовича изве-

стен всему городу. — согласился Алексей Дмитриевич. — это он, конечно, довел Горшкова до безобразного поступка...

— Почему же бюро райкома пересмотрело свое решение?

— Хотели сохранить Факторовича. Ведь ультиматум... Но мы и новое решение уже отменили...

В недоумении я прошу текст второго решения.

— А его нет, оно отменено третьим.

Прошу третье:

— Третьего тоже нет. Оно как бы взаимно погасилось вторым...

Чем же все-таки вызвана отмена второго решения?

— Факторович все равно уже подал заявление об уходе.

...«Не уберегли!» — разводят сейчас руками саратовские «меценаты».

А ведь так оно и есть. Факторовича в Саратове и впрямь не берегли. Растение не расцветет, если его поливать только елеем и медом. Мы готовы согласиться с тем, что творческий работник требует к себе особой деликатности, чуткости, внимания. Однако разве это одно и то же, что слепое исполнение его каприза, даже если этот каприз заставляет поступиться достоинством многих людей, целого коллектива?..

Беда не в том, что Факторович уехал из Саратова. Беда в том, что он так ничего и не понял. Перед отъездом мы встретились.

Трудно было поверить, что вежливый, обходительный человек и есть автор оскорбительных выражений, «постановщик» унижительных сцен. Собеседник говорил о профессиональных делах, о пресловутых спорах с работниками оркестра, репетициях, праве дирижера на личные гастроли. Но постепенно в этом многообразии затронутых вопросов зазвучала «ведущая тема».

О ком бы из артистов, музыкантов оркестра ни зашла речь, получалось, что это или дезорганизатор, или хулиган, или лентяй, или просто ничемный в профессиональном отношении работник. А на таком фоне, естественно, вырастала до величественных масштабов фигура самого Натана Григорьевича. Где уж с такой высоты увидеть, что если саратовцам и удавалось порой блеснуть высоким качеством исполнения, то только за счет усилий всего коллектива. А стоило бы подумать и над тем, что в отсутствие Факторовича оркестр отлично справился с труднейшей симфонией. И это его не отрезвило, не заставило понять: если оркестру тяжело без дирижера, то и дирижер немалым без оркестра.

Кстати, эта простая истина применима не только к музыке!

А. БОНДАРЮК.
(Наш корр.)

Саратов.